

УДК 94(47).083

**ЖЕНА ПРОФЕССОРА КАК АКТОР СУБКУЛЬТУРЫ  
НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА***Т.А. Сидорякина***Аннотация**

В статье рассматривается корпоративная субкультура научного сообщества историков. В качестве акторов профессорской среды выступают профессорские жены как неформальные участницы научной повседневности профессора-историка. Профессорские жены не только были адаптированы в соответствующую субкультуру, но и в определенном плане принимали активное участие в ее создании и трансляции.

**Ключевые слова:** профессорская жена, профессорская культура, идеальный образ, научная повседневность, научный быт.

---

В современной науке заметен повышенный интерес исследователей к опыту и творческой жизни историков предшествующих поколений, стилю и культуре их коммуникации, характеру и эволюции научного нарратива, особенностям мышления и познавательной деятельности [1, с. 7], а также к сообществу историков в целом как социокультурному феномену. Весьма показателен в этом отношении интерес самих историков к своему ремеслу, что нашло отражение в массиве мемуаров как в отечественной, так и в зарубежной традиции.

В рамках данного интереса вполне уместно обращение к теме профессорской культуры как одной из моделей изучения научного сообщества, к тому же это позволяет существенно расширять исследовательское поле. Под профессорской культурой понимается корпоративная субкультура, культивирующая определенную модель идентичности, конструируемая научным сообществом под влиянием исторических обстоятельств и индивидуальных качеств ее творцов. Культурологический ракурс исследования автор намерен соотнести с гендерным.

В исследовательской литературе данная проблематика затрагивается лишь вскользь, внимание уделяется не женам профессоров, а главным образом проблеме семьи ученого [2]. В большинстве своем авторы, которые все же уделяют в своих исследованиях внимание профессорским женам, рассматривают их не выводя из тени мужей [3]. В том, что данная проблема является интересной, никто не сомневается, невнимание к ней можно объяснить: 1) отсутствием или малым количеством источникового материала; 2) ранжированием субъектов научного сообщества на героев первого и второго планов; 3) неразработанностью коммуникативных стратегий в поле научных коммуникаций.

В настоящей статье обратимся к профессорским женам как неформальным участницам научной повседневности профессора-историка. В качестве гипотезы

полагаем, что интересующие нас субъекты не только адаптированы в профессорскую субкультуру, но в определенном плане участвуют в ее создании и трансляции.

Занятие наукой не начинается спонтанно, так и выбор спутницы жизни – дело, не терпящее скоропалительных решений. Профессиональная деятельность ученого – специфический труд, требующий от человека полной отдачи не только физических сил, но и моральных, а где-то и материальных затрат. Научная деятельность – это образ жизни не только профессора, но и, как правило, всего его окружения. Соответственно, и спутница жизни профессора изначально должна быть готова к такой «одержимости» наукой ее супруга.

О таких женах профессора-историка начинали задумываться еще в юности, рисуя в своем воображении идеальный образ будущей любимой. Так, В.О. Ключевский мечтал о жене-друге, о женщине, стоящей «выше потребностей своего пола», которая «умеет милым женским сердцем отозваться на великие вопросы времени» (цит. по [4, с. 140]). Василий Осипович в своих «Афоризмах» высказывается о женщинах так: «Говорят, что мужчины рождаются красивыми. Это предрассудок: красивыми мужчины делаются и делают их такими женщины... Мужчина, идя на доброе дело, всегда сделает его хорошим, если, провожая, его поцелует любимая женщина» (I, с. 8–9). Это высказывание великого историка содержит определенное представление о ролевых функциях женщин.

По мнению В.И. Вернадского, «только семейная жизнь дает человеку то счастье и поддержку, которых не может заменить никакая дружба» (цит. по [5, с. 208]). Интересным в данном случае представляется и высказывание Н.Я. Грота: «Самая лучшая цель в жизни – уравновесить умственные теоретические моменты с моментами спокойного семейного счастья. Вот и теперь у меня серьезная цель в жизни – сделаться достойным милой, идеальной девушки» [5, с. 205]. Деятели науки серьезно относились к выбору спутниц жизни, и, как правило, в своих избранницах наши профессора видели не только любимую жену, но также соратницу и друга, который понимает и разделяет их жизненную позицию, связанную прежде всего с научной деятельностью. Опираясь на высказывания ученых, можно сконструировать идеальный образ жены, объединяющий следующие характерные черты: 1) наличие хорошего образования, начитанность; 2) проявление неподдельного интереса к научным и общественным делам мужа; 3) способность вести интеллектуальную беседу; 4) принятие базовых ценностей научного сообщества; 5) желание организовать для супруга идеальные условия для интеллектуальной деятельности и т. п. В этом идеальном образе легко увидеть сочетание, наложение культурной практики интеллигенции вообще и профессорской корпорации в частности, что свидетельствует о многослойности профессорской культуры.

Всеми этими качествами обладала жена А.А. Кизеветтера Екатерина Яковлевна Кизеветтер. Имеющийся в нашем распоряжении источник (II) позволяет более подробно рассмотреть данную персону и реконструировать социокультурный контекст целой эпохи, особое внимание обращая на научное сообщество историков. К тому же в Рукописном фонде РГБ хранится детский дневник дочери

Екатерины Яковлевны Натальи Александровны Кудрявцевой<sup>1</sup> (III). Источник создан под прямым влиянием историка А.А. Кизеветтера. Перед нами свидетельства двух женщин, которые принадлежат различным возрастным группам, тем не менее проживают в единой среде и находятся под влиянием одного и того же человека. Тем самым и мать и дочь были причастны к профессорской культуре, причем Наталья Александровна, можно сказать, с молоком матери впитала влияние данного социокультурного пространства. Именно это влияние в целом и его «концентрация» в лице А.А. Кизеветтера способствовали тому, что дети<sup>2</sup> выросли в такой среде людьми просвещенными, отвечающими духу времени. Как отмечал Андрей Белый, «бытописатель, или историограф» профессорского сообщества: «На то «мы» – профессорский круг, чтоб младенцы у «нас» не так ползали, как у прочих, а конституционно и позитивистически» [6, с. 107]. Так вот, маленькая Наташа и является именно тем «конституционно-позитивистическим» младенцем, который с пеленок пребывал под влиянием профессорской культуры с ее нормами и правилами поведения, а также с формальными и неформальными коммуникативными практиками, особым духом, который был присущ только профессорскому сообществу.

Екатерина Яковлевна Кизеветтер, урожденная Фраузенфельдер, происходила из обрусевшего немецкого рода, получила блестящее домашнее образование, а врожденная любознательность и пытливый ум способствовали тому, что дама эта проявляла интерес не только к прямым женским обязанностям, но и жила в духе эпохи. И главное, особенно в контексте нашего исследования, в духе интересов своего мужа-профессора, всецело принимая его стиль жизни. Она была из тех женщин, которые в своем супруге видят не только кормильца семьи, а полностью разделяют его жизненную позицию, касающуюся как вопросов нравственных, общественно-политических и иных, так и бытовых, связанных с обыденным течением жизни. Чувствуется, что для этой семейной пары жизнь в обществе и дома – это не две разные вещи. Возвращаясь домой, Александр Александрович в лице своей жены обретал достойного собеседника. Для них было одинаково важным и происходящее в научном сообществе, и совершающееся в жизни России в целом.

Важнейшее событие для России начала XX в. – это принятие конституции. Ожиданием этого события наполнены будни семьи Кизеветтеров. Для Екатерины Яковлевны важно встретить это событие именно с мужем: «Саша собрался ехать в Петербург для занятий в Архиве, я все просила подождать, чтобы вместе пережить обнародование конституции» (II, с. 342). «Пережить» значит в ее устах именно пережить с любимым мужем, поддерживая его, если в чем-то этот документ не оправдает его ожиданий, а также получить эту поддержку и от него, потому что Екатерина Яковлевна предстает перед нами женщиной просвещенной, шагающей в ногу со временем, и для нее принятие конституции – это такое же важное событие, как и для ее мужа. Но при этом прорывается голос человека,

---

<sup>1</sup> Кудрявцева Наталья Александровна – дочь Кизеветтер Екатерины Яковлевны от первого брака. Первый муж Екатерины Яковлевны Александр Александрович Кудрявцев, как и А.А. Кизеветтер, был учеником П.Г. Виноградова.

<sup>2</sup> А.А. Кизеветтер, заключив брак с овдовевшей Екатериной Яковлевной, усыновил ее детей от первого замужества – Всеволода и Наталью.

просто уставшего от революции: «Революция одним хороша: не надо в гости ходить – и к нам гости не ходят. Так спокойно можно сидеть дома. Чувствуешь себя в безопасности, знаешь, что никто не явится» (II, с. 344). Наконец-то сбывается обыденная мечта женщины, что там какая-то революция, да и сколько можно ожидать конституцию, если вот оно счастье – возможность пожить уединенно, без ежедневных визитов со своей стороны и без таких же ответных приемов. Текст дневника передает социальную усталость Екатерины Яковлевны. «Опять зарево! И вчера горело и сегодня горит. На меня напала такая гнетущая тоска, я ничего делать не могла, легла на диван и закрыла лицо. Потом только немного отошла, но писать все-таки не могла. Взяла Чехова – его рассказы – и прочитала весь вечер. Как это все далеко от революции и как приятно было забыть!» (II, с. 349).

Хочется отметить осознанное отношение членов семейства к создаваемому тексту. Довольно много событий в дневнике было записано со слов самого А.А. Кизеветтера: «Сейчас к Саше приходил социал-демократ от Рожкова. Напишу об этом визите под Сашину диктовку» (II, с. 353), и это еще раз подтверждает, что этот документ не только личное творчество Екатерины Яковлевны, но целенаправленное фиксирование событий, в том числе и совместное. Этот продуманный ход можно считать проявлением профессорской культуры, стремлением ее акторов оставлять после себя определенные «знаки эпохи».

Другой ролевой функцией Екатерины Яковлевны было ее так называемое хождение в массы, именно опираясь на ее впечатления, Кизеветтер мог судить о внутреннем состоянии общества, о мыслях и суждениях обывателей, об их восприятии происходящего. Так, «наблюдая» революцию 1905 г., автор дневника не только фиксирует события, но и рефлексировал по их поводу, что отражает научный интерес главы семейства и активное его включение в общественно-политическую жизнь страны. Общественная деятельность мужа становится и частью жизни Екатерины Яковлевны, она начинает воспринимать ее и как свой личный гражданский долг, что, кстати, всячески поддерживалось супругом. «Саша мне принес билет на 7-е марта... 10 билетов прислали ему во фракцию...» (II, с. 388). Она активно посещает различные собрания и тщательно следит за реакцией публики, записывая все в свою «книжечку»: «Я взяла с собой, как всегда, записную книжечку и там набросала впечатления» (II, с. 354), – а затем рассказывает об увиденном мужу. «Я несколько раз была на собраниях, устраиваемых конституционно-демократической партией. Было интересно. Саша на днях представил прекрасный очерк программ партий левых и правых... Зала была полна... Чтение было, по-моему, очень удачное... Я следила за публикой...» (II, с. 352). «Я нарочно села в гуще, чтобы наблюдать» (II, с. 354). Мало того что Екатерина Яковлевна наблюдает за реакцией публики на выступлениях своего мужа, так она еще и ведет своего рода опрос, или сбор общественного мнения по различным вопросам: «Вчера нарочно завела разговор с полотерами» (II, с. 345). Все это тщательно конспектируется в дневнике, и в каждой строке звучит гордость за мужа, признанного оратора и заслуженного профессора. В этом плане весьма примечательна следующая запись: «Доктор Баженов (старичок, как я его называю, хотя, говорят, он не стар, но почти весь лысый) остался от Сашиного чтения в восторге (в Политехническом

музее) и говорил Саше, что он ему искренне завидует, одному ему из всех ораторов, которых он знает» (II, с. 354). В другом случае она пишет: «Ну что же, хорошо досталось вашему? Попробовал с профессором потягаться?!» – спрашивает Екатерина Яковлевна у рабочего. «Да ведь ему отвечать не дадут, а то бы он еще наговорил», – защищает рабочий. «Где ему, и своей-то программы не знает. Вон профессор-то его как отбрил», – с гордостью за супруга констатирует Е.Я. Кизеветтер. Внимательно наблюдая за обстановкой, которая складывалась во время выступлений «Саши», Екатерина Яковлевна иногда вступалась за его позицию по тому или иному вопросу: «Какой-то господин около меня, несочувствующий Саше (я слышала из его разговора), громко сказал: «Ну, уж это скучно!» Я шикнула ему прямо в упор» (II, с. 355).

Из всего сказанного выше может сложиться впечатление, что Екатерина Яковлевна в порыве своего гражданского и общественного долга абсолютно не уделяла внимания повседневным вопросам быта, но это не так, хотя наш источник и является в этом случае «скудным информатором», тем не менее и в нем мы находим записи о ее обыденных заботах о семье – это и прогулки с младшей из детей – Катей («...иду с Катей из архивного сада» (II, с. 344)), и заботы о различных житейских мелочах, на что Екатерина Яковлевна сетует: «...Была в Москве около 10 дней и совсем там погрязла в разных житейских мелочах: сундуки, шляпы, банки, портнихи» (II, с. 414). Когда же выдавались свободные вечера, семейство Кизеветтеров проводило их в театре. Александр Александрович был страстным любителем театра, Екатерина Яковлевна поддерживала эту страсть мужа: «Саша ждал меня уже дома. Вечер у него выдался свободный, и мы поехали проветриться в театр Буфф» (II, с. 379).

О повседневной жизни семьи, о ее бытовых пристрастиях, об особом духе, который сложился благодаря Екатерине Яковлевне, свидетельствует дневник Натальи Александровны Кудрявцевой, дочери Екатерины Яковлевны Кизеветтер. Наташа начала вести этот дневник в возрасте двенадцати лет, к этому времени ее мама уже была замужем за А.А. Кизеветтером.

В своих воспоминаниях Наташа рисует комфортную картину детства, ей очень хорошо в своей семье – и мама, и папа здесь воспринимаются как единое целое. «Так отрадно становится на душе, когда вспоминаешь свое раннее детство, и так жалко, что оно уже прошло и не вернется никогда» (III, л. 5 об.). Екатерина Яковлевна в воспоминаниях дочери предстает заботливой мамой, уделяющей много времени своим детям, даже принимающей участие в их играх. «Мама часто тоже играла с нами, но больше пела нам. Моя любимая песня была «Как у нас на улице», но Воля ее терпеть не мог... И вот как только мама доходит до места «...ай, лей, лешеньки», Воля зажимает уши. А то вырежет нам мама из бумаги кукол и нарисует им лица. Потом сделает из трубки лодочку. А папа вырежет нам из бумаги стульчики, а из карт сделает домики» (III, л. 6).

Одно из ярких воспоминаний детства Наташи – это праздник, устроенный родителями на Рождество. Родители поддерживали в воображении детей тайну праздника, все в доме было овеяно им, а сами мама и папа выступали некими волшебниками, которые могут прикоснуться к тайне Рождества. «Утро. Я сижу у папы под письменным столом, а папа украшает рядом в маминой комнате елку. Нам надо идти гулять, а пройти негде, потому что если я пойду по маминой

комнате, то увижу елку, а пойти по маленькой длинной, где сидит мама и шьет, тоже нельзя, почему – не знаю» (III, л. 9 об.). В данном случае Екатерина Яковлевна предстает хранительницей домашнего очага. Именно с воспоминаниями о ней связаны у дочери впечатления от Рождества: «Я описываю не одно какое-нибудь Рождество, а все, потому что все они слились у меня в памяти в одно» (III, л. 11). Именно мама прививает детям семейные традиции рождественского праздника. «Вот входит мама, веселая, смеющаяся, она одевает мне белый фартук, я хочу идти смотреть елку, а она говорит, чтобы мы подождали, пока она заиграет на рояле и уходит. Вот раздаются звуки рояля, и мы идем вниз» (III, л. 10).

Итак, через детское восприятие дочери и благодаря личному дневнику Е.Я. Кизеветтер перед нами раскрывается своеобразный научный быт, создаваемый женами профессоров. Под научным бытом в данном случае подразумевается уклад жизни профессорской семьи и существующие в ней традиции, совокупность обычаев и привычек. Такую комфортную обстановку душевного и духовного родства, истинную гармонию в отношениях между супругами, которые были продемонстрированы на примере семьи Кизеветтеров, в профессорском сообществе создавали жены профессоров. Вероятно, что для научного сообщества и профессорской культуры в целом были характерны и другие практики и иные образы жены. Но в нашем случае представлен идеальный вариант этого образа.

Обратим внимание и на меняющийся стиль жизни внутри семьи. Весьма любопытным феноменом может быть опыт Приютинского братства, где погружение в интересы друг друга становится стилем жизни. В своем исследовании мы хотели бы заострить внимание на том, что к концу XIX в. «научная, родственная, ценностная коммуникативность переплетались» в научном сообществе историков «и совершенно естественно, жены ученых (деятелей сообщества), таким образом, приобщались к этосу науки» и ценностным установкам профессорской культуры [7, с. 119].

Активную позицию по отношению к научным интересам своих супругов проявляли многие жены профессоров. В качестве примера приведем Елену Дмитриевну Лаппо-Данилевскую, в переписке которой наглядно прослеживается, что интересы ее мужа становятся ее собственными интересами и образом жизни. В качестве источника нам доступны два письма, написанные Еленой Дмитриевной, и одно письмо, адресованное лично ей. В письмах Елена Дмитриевна предстает участницей исследовательского процесса своего мужа. Скорее всего, ее работу можно охарактеризовать как работу технического секретаря. В своем письме она обращается к Александру Сергеевичу с тревожащей ее мыслью относительно качества ее помощи: «Мой родной, меня беспокоит мысль, что в выписках о площадных подъячих я, вероятно, неправильно обозначила номера самого дела, в иных случаях. Например... указывала последнюю... страницу... А теперь думаю, что это, вероятно, неправильно и может ввести тебя в заблуждение и тех, кто при использовании этих выписок, сверит по книге эти номера» (IV, л. 1–1 об.). Как видно из приведенного отрывка письма, Елена Дмитриевна исполняла роль переписчика-копииста. Заметно, что, переписывая источник, она вдумчиво и ответственно относится к работе, ее действия не носят механического характера, эта работа занимает ее мысли даже по завершении. В тексте сквозит нескрываемая досада о случившейся оплошности, Елена Дмитриевна пишет:

«Очень мне это досадно, хотя думаю, что случаев таких немного и... Оправданием служит то, что ты на лету все это объяснил. И я до всего дошла своим умом. Напиши, очень ли это тебя затруднит? Спешу отправить это предупреждение, чтобы дошло вовремя, а завтра напишу как следует...» (IV, л. 1–1 об.). Эта работа не является для Елены Дмитриевны тягостной обязанностью, она всецело заинтересована ею и включена в процесс наукотворчества мужа.

Кроме работы переписчика-копииста, для которой, как правило, нанимали студентов либо работников архивов, Елена Дмитриевна вела переписку с коллегами А.С. Лаппо-Данилевского, с людьми, включенными в коммуникативное поле, в котором создавались и издавались новые труды. Так, в письме к О.В. Терениной – жене профессора Теренина – она просит какие-то справки, которые та должна была сделать для готовящейся к изданию рукописи, а в связи с возникшей задержкой, вероятно, затруднялась доставка корректуры в типографию: «Я должна доставить в типографию корректуру» (V, л. 1). Данное письмо подтверждает, что заинтересованность жены в делах мужа была явлением естественным и даже обыденным в профессорской среде. Жена всецело разделяла ценностные ориентиры мужа, а они были направлены прежде всего на служение науке. Очевидно, что такие действия жен можно рассматривать, по словам Д. Шаховской, как «жизненную близость, спокойную дружбу, дружеское участие и поддержку» [7, с. 122].

Определенной особенностью профессорской корпорации можно назвать своеобразный стиль жизни, сочетавший в себе научную деятельность профессоров и повседневный быт их в семье. Хотя заметим, что крайне сложно определить, где в научном сообществе заканчивается научная деятельность и начинается обыденная жизнь, как правило, все настолько переплетено, что разграничить это невозможно. Если профессор не преподавал в университете, значит, он занимался в архиве, либо вел прием студентов на дому, либо сам занимался дома. Полагалось, что такому ритму и порядку жизни следовала вся его семья и в первую очередь жена. Подобный уклад жизни вел к распределению ролевых функций между мужем и женой. Доминирующей функцией мужа-ученого было производство научного знания и содержание семьи.

Под коммуникациями за пределами семейного пространства нами понимается общение, главным образом переписка супруги с коллегами мужа, и это также является особенностью профессорской культуры. Примером такого общения может быть письмо профессора А.А. Кауфмана Е.Д. Лаппо-Данилевской, датированное 14 июля 1900 г., в котором он пишет: «Скоро пришлю Вам легкое чтение – в июле и следующих книжках в М.Б. будет печататься бол. беллетристика. С Ив. Мих. виделся, после вашего отъезда, довольно много. Вы уже знаете, конечно, что он уже подал прошение об отставке с курсов... Как работа А.С.? Как вы себя вообще оба чувствуете? Как мальчишки?» (VI, л. 1).

Другой стороной проявления профессорской культуры является то, что для профессоров и их спутниц жизни переписка была просто необходимым элементом творческого процесса независимо от того, носила ли она частный характер либо касалась сугубо рабочих моментов. Это был особый стиль общения. «Я не прошу ни Вас, ни А.С. о писании писем, – ибо мы все, мне кажется, уже утратили способность писать письма, но очень буду рад, если буду получать

время от времени хоть открытки – при предстоящем моем одиночестве это тоже хорошо. Кстати, вообразите, что в одиночестве этом мне много помогает... мое писание. В квартире я один, следовательно, могу врать не стесняясь – а все-таки этим немного отвожу душу...» (VI, л. 1). Как видно, переписка для членов научного сообщества являлась не только обменом информацией, но чаще всего формой размышления над жизнью и научным творчеством.

Итак, жена профессора – спутница его жизни, мать его детей, соратник, поддерживающий своего мужа на нелегком поприще научного труда. Кто же была эта женщина? Как нам кажется, наиболее точно такую характеристику женам профессоров в лице своей матери дала в своих воспоминаниях дочь Вернадских. Нина Владимировна пишет: «Все восхищаются отцом, но мало где кто-нибудь упоминает роль моей матери... Если бы не она, кто знает – достиг ли бы отец того, что он достиг? Она была его гением, его хранителем и его совестью, а также с увлечением разделяла его вдохновения. Помню их спор иногда, когда она настаивала, чтобы он ни в чем не уступал, если что-нибудь было против суждений его совести, и чтобы он думал о людях, которых он встречал на своем пути. Были дни, когда его жизнь была в опасности, она всегда поддерживала твердость его духа. Она была совершенно необыкновенная женщина, громадной силы духа и любви. Чем дольше я живу, тем более понимаю ее роль в их жизни!» [7, с. 125]. Образ жены в профессорской среде может быть абсолютно различным, неизменной остается только роль жены, связанная с тем, что «...Жена будет (должна. – С.Т.) помогать (мужу. – С.Т.), а не мешать (ему. – С.Т.) жить человеческой жизнью» [7, с. 125], причем под этой «человеческой жизнью» подразумевается здесь занятие научной деятельностью. Отсюда представляется возможным выделить ролевые функции профессорской жены: 1) разделение с мужем базовых ценностей научного сообщества; 2) непосредственное участие в наукотворчестве; 3) творение академической памяти [8].

Влияние корпоративного духа профессорской культуры на повседневную жизнь профессоров является неоспоримым. Профессорская культура проявлялась во всем, оказывала свое воздействие на все стороны жизни профессорской корпорации, а профессорские жены, в свою очередь, оказывали непосредственное влияние на формирование профессорской культуры. Одним словом, этот постулат можно выразить так: профессией историка была научная деятельность, а призванием его спутницы жизни – быть женой ученого.

### Summary

*T.A. Sidoryakina. A Historian's Wife as an Actor of Early 20th-Century Scientific Community Subculture.*

The article deals with the corporate subculture of historians' scientific community. Professors' wives are considered to be the actors of professorial environment being the informal participants in everyday scientific activity of their husbands. The professors' wives were not only adapted for this subculture, but in some respects took an active part in its creation and transmission.

**Key words:** professor's wife, professorial culture, ideal image, scientist's daily life, scientist's living conditions.

### Источники

- I. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М.: Мысль, 1993. – 416 с.
- II. *Кизеветтер Е.Я.* Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / Подгот. текста, примеч. [и вступ. ст.] М.Г. Вандалковской, А.Н. Шаханова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. – Вып. V. – С. 338–425.
- III. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 566. К. 20. Ед. хр. 22.
- IV. ПФА РАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 113. (Личный фонд А.С. Лаппо-Данилевского, Е.Д. Лаппо-Данилевская). Оп. 3. Д. 212.
- V. ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 438.
- VI. ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 437.

### Литература

1. Историк в культурном пространстве современной России: оптимизм и пессимизм самопрезентации // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: Сб. ст. / Под ред. Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Камен. пояс, 2006. – С. 7–9.
2. *Антощенко А.В.* Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Мир историка: Историогр. сб. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 50–75.
3. *Иванова Т.Н.* Женщина в судьбе В.И. Герье // Мир историка: Историогр. сб. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 29–49.
4. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М.: Наука, 1974. – 638 с.
5. *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. – М.: Нов. хронограф, 2008. – 304 с.
6. *Белый А.* На рубеже двух столетий. – М.: Худож. лит., 1989. – 543 с.
7. *Еремеева С.А.* Братья и сестры. «Приютинское братство» как союз мужчин и женщин // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – 2005. – № 10. – С. 112–139.
8. *Корзун В.П.* «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) // Мир историка: Историогр. сб. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 455–467.

Поступила в редакцию  
15.11.10

---

**Сидорякина Татьяна Александровна** – аспирант кафедры историографии и современной истории Омского государственного университета.

E-mail: [sidoryakina@yandex.ru](mailto:sidoryakina@yandex.ru)